

# ПРАВОСЛАВНАЯ КНИГА В ДОРОГУ

Александр  
Петров



## ВОСХОЖДЕНИЕ



Это о тебе, о твоей жизни

# Александр Петров

## Восхождение

*Авторский текст*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=3300735](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3300735)*

*Восхождение:*

### Аннотация

В романе «Восхождение» переплетаются две сюжетные линии. Одна – обычная трудовая жизнь со слезами и улыбками. Вторая – духовное возрождение, без которого жизнь бессмысленна. И только в духовном возрождении возможна победа слабого человека, на которого направлена огромная мощь разрушения. Читатель познакомится с обычными на вид людьми, которые на своих плечах несут жизнь вселенной. Они – соль земли, они – созидатели. Дмитрий, преуспевающий чиновник министерства, внезапно уходит с престижной работы. Он окунается в штормовую стихию стройки. Её суровые волны одних швыряют в грязь, других поднимают в Небеса. Дмитрий сумел выстоять, и с самого дна взойти на Небо. Такие как он – строители в высоком смысле этого слова. Они создают новую жизнь. Они поднимают из руин не только Россию, но и собственные души. Это очень нелегко, но так радостно!

# Содержание

Глава 1. Линия. Прерывистая	4
Исход	4
Куратор	6
Один день с Василием Ивановичем	20
Работа с заказчиком	33
Пират	41
Школа жизни	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

# Александр Петров

## Восхождение

*Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак  
будьте мудры, как змии, и просты, как голуби.  
Матф. 10,16*

*Господи, испытал мя еси и познал мя еси  
Пс. 138, 1*

*Близ Господь всем призывающим Его,  
всем призывающим Его во истине  
Пс. 144, 18*

## Глава 1. Линия. Прерывистая

### Исход

Дубовая дверь начальственного кабинета мягко закрывается. Я уже не вижу ее символического величия – она скрывается за моей спиной. Все, что остается там, сзади, стремительно уносится в прошлое.

Неслышно ступаю по ковровым дорожкам, шагаю, нет – плыву, не чуя под собою ног, вперед, только вперед. К свету, к солнцу, к свежему ветру – туда, где жизнь полна созида-

тельного смысла. Зеркала, мраморные стены, полированные золотистые поручни отражают мою довольную физиономию, ослепительно сияющую над темными очертаниями строгого элегантного костюма. На ходу развязываю галстук, сдерживаю эту постылую удавку с шеи и расстегиваю жесткий воротник сорочки.

Мимо вельможных мужей, обремененных властью; мимо девушек-секретарей, легких и изящных; мимо доски судьбоносных приказов, мимо доски почета и всеобщего уважения, мимо энергичных молодых управленцев с сильными локтями – мимо власти и почестей – вниз по лестничному маршу, в распахнувшиеся передо мной входные двери схожу на залитый солнцем асфальт – твердь моей опьяняющей свободы.

А здесь!.. Синее небо высоко и бездонно, как мои надежды. Кудрявая зелень деревьев свежа, как вскипевшая во мне молодость. Потоки несущихся машин стремительны и насыщены, как мои мысли. Седые кремлевские стены поодаль устойчивы и несокрушимы, как мои намерения.

Рухнули ветхие застенки бессмысленности, тяжкие оковы самодовлеющих условностей. Свобода! Ты сладостна и свежа, как молодое вино. Впереди – свет, радость, буйная бесконечная весна!..

# Куратор

Время – таинственно и непостижимо. Оно существует для нас всегда только сейчас, но пожинает плоды прошлого и сеет будущее. Иногда оно растягивается и разжижается, а иногда сгущается до предела выносливости. А иной раз его закрученная спираль стягивается в такой тугой узел, что в один миг и прошлое, и будущее рождают в настоящем самое главное событие в жизни человека.

Нам не известно, какое событие перевернет жизнь. Никогда мы не узнаем заранее, какой человек решительно изменит нашу судьбу. Не всегда самые главные события нашей жизни происходят под рев фанфар и барабанный бой. Часто нам кажется, будто какая-то случайная, а порой и комичная ситуация, – это так, мелочь. А вон тот человек и вовсе лишь зря отнял у нас время. Только оглядываясь назад, спустя годы, прихожу к неожиданному выводу: ни единого лишнего мазка не было на том полотне, которое писал вместе со мной Великий Художник. Поэтому с некоторых пор с уважением и предельным вниманием начинаю относиться ко всему что со мной происходило, учитывая, что судьба – это суд Божий, который вершится каждый миг, каждой встречей, событием...

Впрочем, у нас тут кое-что происходит. Простите, я прервусь на минутку...

...Багровый закат заливает кровавыми подтеками горизонт.

Он отражается в холодных черных зрачках Джеймса Бонда.

Кажется, ничто не может остановить его неумолимого стремления к цели. При каждом движении его мощного пластичного тела там, под черным фраком с белой манишкой, перекачивается мягкой раскаленной сталью звериная сила. Перед решающим рывком он напружинивается, превращаясь в натянутый лук, наконец, тетива выпрямляется и выпускает стрелу к цели. Волосатая его лапища готова схватить вожака. Но недрогнувшая рука затаившегося во тьме врага наносит упреждающий удар. «Ияяяуу!», – вопит Джеймс Бонд от оскорбительной плебейской оплеухи и с грохотом отлетает в угол.

– Что, враг народа, опять провокация не удалась? Иди мышцей ловить, паразит, нечего сервелат со стола таскать!

Кот отвечает из темноты зеленой вспышкой глаз и затихает на своем коврике в углу. Фомич возвращается к стакану, нижняя губа – философски оттянута, в глазах – влажная печаль. Глокает, жует и продолжает:

– Спиридоныч – тот человек был обстоятельный. Подойдет ко мне, бывало, протянет свою фляжку, хлебом с ним по-братски... Потом обойдет он мою теплокамеру. А я там вместо перемычек обрезки свай уложил. Экономия!.. Рацпредложение. Посмотрит, старик, полюбуется... А потом и

говорит: «Ум у тебя, Фомич, с искоркой!». Так вот и говорил мне...каждый день. А этот, – Фомич кивает в сторону заката, – Игорёк, который все обнюхивает, обнюхивает...

Да чего там нюхать! И так вся контора знает, что после восьми от Фомича пахнет пивом. Или вином. Или водкой. Ну, в крайнем случае, коньяком... Как гласит закон Фомича, все, что способствует рост производительности труда, не может осуждаться начальством.

– Так вот и говорил: «С искоркой»...

Голова Фомича плавно опускается на согнутое предплечье. Ровно через двадцать минут, что бы ни случилось, она поднимется, и ее хозяин продолжит свой вялотекущий рассказ. Мстительно выждав отступление противника, Джеймс Бонд стремительно прыгает на стол, цепляет когтем кусок колбасы и, басовито мявкнув, растворяется в темноте. Дождался-таки своего часа.

Наступает чудесное время – несколько десятков минут абсолютного покоя, когда дела отложены в сторону, телефон умолк, жажда и голод, давившие на психику и желудок, утолнены. Можно подумать, послушать тишину, отдохнуть...

Вот уже почти месяц я работаю «на линии», то есть на стройке. Уютный кабинет в главке сменил на кирзовые сапоги прораба. До сих пор не знаю, правильно ли я поступил. Порой накатывает отчаяние и ностальгия по сытой чиновничьей карьере. Сейчас мне достается со всех сторон: прорабы сторонятся, рабочие насмеваются, начальники присталь-



но изучают.

Такого здесь еще не бывало, чтобы не последний чиновник главка добровольно ушел на линию. С первого дня мне задают вопрос, за какие такие грехи меня оттуда выставили. Я точно знаю, что начальник конторы, тот самый Игорек, звонил в главк и выяснял всю мою подноготную, только придраться в моей трудовой биографии не к чему. К своему сожалению он выяснил, что последние четыре года моя физиономия не сходила с доски почета, а в резерве на повышение я стоял на должность заместителя начальника управления, не говоря уже о благодарностях и премиях...

...А в это самое время где-то очень далеко среди олеандров и пальм на подстриженном газоне в шезлонге полулежит молодой мужчина и печально созерцает сверкающую поверхность голубоватой воды в бассейне. Жаркое солнце слепит и томит его. Холодный чай с лимоном и льдом не может утолить его жажды. Ни восхождение по лестнице карьеры, ни красавица-жена, ни просторный дом в престижном районе – ничто не радует человека...

В последнее время часто вижу эту картину внутренним зрением. Не знаю, кто он и где это, но каким-то образом вижу.

Иногда меня этот непрошенный гость раздражает, чаще же просто скользнет по вершущке сознания и бесследно улету-

чится. Я не принимаю и не отвергаю этого видения. Пусть плавает в собственном соку до случая. Хотя иногда кажется, что этот парень еще появится на моем небосклоне.

С тех пор, как я перешел на новую работу, постоянно чувствую потребность посоветоваться с лицом духовным. Я еще не освоился на новом месте, возникают ситуации, с которыми самому разобраться невозможно. Жалко и себя, любимого, потому как в таких случаях выгляжу недотепой для мирян и соблазном для христиан. Легко впадаю в панику, ругаюсь, как сапожник, перенимая у рабочих не лучшие слова и образ поведения. Вот и выпивать стал едва ли не каждый день.

Увы, господа, линия, а по-вашему, стройка, как вокруг оси, вращается вокруг водки. Впрочем, почему только водки? Еще вокруг воровства. Причем воровство здесь вполне узаконено, вменяется в перечень твоих обязанностей и часто называется вполне пристойно: работа с заказчиком ...или с механизацией, или с инспекцией. И попробуй только не налить тому же инспектору: с его стороны не замедлят последовать пакости, в которых обвинят тебя же первого. Потому как ты прораб и отвечаешь за все, происходящее на вверенном тебе объекте. Вплоть до уголовной ответственности.

Прихожу в храм, пытаюсь приблизиться к батюшке, а он от меня как от чумного убегает. То не прорвешься к нему сквозь толпу, то уходит он каким-то потайным ходом, то...

Что же это со мною происходит?... Уже и священник виноват в моих провинностях... Увы мне, увy!.. И когда только меня, гнусного, смирению-то научат? Хотя бы уж какому начальному...

...Голова Фомича медленно поднимается, стакан так же медленно описывает плавную траекторию в направлении отвисшей губы, глаза его округляются. Сейчас он похож на небезызвестного Дядю из лермонтовского «Бородина». Как-то на уроке литературы учительница вызвала меня читать заданный наизусть отрывок стихотворения. Я произнес с классическим подвыванием: «Скажи-ка, дядя, ведь не даром...», и в моей бедовой головушке возник образ эдакого Дяди: мудрого, старенького, прожженного пороховыми дымами – ну, как наш Фомич.

– Так и говорил старик Спиридоныч: «Ум у тебя, Фомич, с искоркой!...»

– Фомич, открой секрет, как тебе удалось так уютно обособиться?

– А это, Дмитсергеич, одна из особенностей моего искристого ума. Как гласит закон Фомича, прежде чем начать выполнять план, обустрой свой быт. Или, опираясь на народную мудрость, данную нам в поговорках, прежде чем сажать огород, надо его огородить. Запиши, а то забуду, – он встает и тянет меня за рукав. – Пойдем, мил друг, я тебе свой офис в лунном свете покажу.

Пока Фомич заглядывает за ближайший куст сирени, я стою на крыльце вагончика и любуюсь окрестностями. Среди навала бетонных панелей, громадных куч развороченной земли, среди траншейного «свинороя» – офис Фомича производит впечатление оазиса чистоты и уюта. Его персональная бытовка стоит вплотную к частному домику в окружении сада, огорода и новенького штaketника. Густая сирень и развесистые яблони отгораживают оазис от окружающего «рабочего беспорядка».

Внутри офиса имеется все необходимое для долгих заседаний: холодильник, телевизор, радиолa, шкафы, диваны и, разумеется, большой стол. Ноги утопают в шерстяной упругости ковров, а натруженные тела – в мягких креслах. Даже люстра над головой переливается многопудовым «русским хрусталем» и в настоящее время для придания застолью должного интима мягко освещает только небольшой круг на столе. Все остальное погружено в уютный полумрак.

Фомич занимает свое место и совершает дежурный глоток, затем прислушивается к тишине и пророчески произносит:

– Чует мое надорванное выполнением плана сердце, что эта тишина ненадолго. Ты, Дмитсергеич, не сочти за труд, подрежь закусочки. Пригодится.

Не успеваю закрыть холодильник, как в офис с треском вламываются трое мужчин. Они уже переоделись «в чистое» и собираются домой. Люди эти не «из наших», а субподряд-

чики. Разумеется, ведут себя они без должной учтивости, не обременяя себя правилами приличия и изысканностью речи. Улучив момент, когда они что-то увлеченно обсуждают между собой, активно наливая и закусывая, Фомич склоняет ко мне большую голову и шепчет: «Пусть все вокруг горит и воеет, а мы в спокойствии с тобой. Запиши, а то забуду».

Пожалуй, это свойство куратора самое ценное. Он умеет подняться над суетой и не дать ей проникнуть внутрь. Вот и сейчас у меня в душе закипает раздражение от наглости непрошенных гостей. Фомич же глядит на них, как добрый папаша на шаловливых детей и даже вставляет в бурный поток их сквернословия свои глубокомысленные «ну, надо же», «это они не правы», «не бери близко к сердцу», «все будет хорошо». В такие минуты и я себя чувствую дитём неразумным и восхищенно взираю на мудрого Фомича.

После удаления шумной ватаги снова наступает тишина. Видя мою усталость, хозяин звонит «на женскую половину» и вызывает «стюардессу» Тоню. Входит девушка необычайной южнорусской красоты и, мягко ступая, наводит порядок вокруг нас. За считанные минуты она успевает пропылесосить ковер, навести порядок на столе, а также выстрелить в меня обойму бронебойных взглядов своими карими сверкающими очами. Хозяин удовлетворенно кивает и указывает на одно из свободных кресел. Девушка безропотно садится. К ней на колени запрыгивает Джеймс Бонд и принимается громко мурлыкать.

– Ты не бойсь, при Тонечке можно говорить обо всем, – хрипит куратор. – Моя школа. Она – мой последний шанс уладить трудное дело. Думаю, ты абсолютно уверен, что Тонечка уже втюрилась в тебя и готова закрутить с тобой роман. Как не так! Вот сейчас прикажу тебя под бульдозер сунуть – рука ее не дрогнет.

– А ты что, пробовал уже? – спрашиваю хозяина, отодвигаясь от Тони. – Ну, приказывать?

– Я что дурно воспитан? Скажешь тоже, срам слышать такое! Я просто человека, в данном случае легкотрудницу эту, насквозь читаю. Опыт! Вот. Запиши, а то забуду. Я сейчас...

Голова его снова медленно опускается на согнутую руку. Следующие двадцать минут мне предстоит провести наедине с этой суровой дамой. Повисает мертвая тишина. Девушка исподлобья насмешливо поглядывает на меня. Я сосредоточенно изучаю масляное пятно на своем колене, пытаюсь унять неприличное для моего возраста сердцебиение и забытую дрожь правой нижней конечности.

– Да не бойтесь вы, Дмитрий Сергеевич, – звучит контрально девушки, – бульдозер сегодня увезли на третий участок.

– Это, безусловно, радует, – выдавливаю из горла словесный сгусток.

– А можно спросить кое о чем?

– Ну, да... – пытаюсь всеми силами бороться со ступором.

– А чего это вам в главке не сиделось? Или сотрудицы

съели?

Говорить о подробностях сейчас не очень хочется. А внести какую-то ясность нужно. Поэтому пытаюсь облечь свое появление на линии ореолом романтики.

– Представьте себе, Тонечка, – вещаю, как с трибуны, – приходишь на работу, садишься в кресло и планируешь рабочий день. И вдруг понимаешь, что каждый день у тебя одно и то же: они тебе – дай, а ты им – не положено. Они – чем тебя купить, а ты им – не продаюсь. Они смотрят на тебя, как на идиота, а ты мысленно соглашаешься. И так каждый день...

– И что же, ничего интересного не случилось? – спрашивает девушка.

Конечно, случилось! Такие вещи случались, что и в страшных снах не привидится... Только вспоминать об этом – ужас как неохота. Так что лучше умолчим. Вслух отвечаю:

– Интересного? А как же! Выходные, например.

Тоня задумчиво качает ножкой. Вполне допускаю, что делает она это не нарочно, но мне от этого не легче, потому что покоя нет.

– А раньше вы на линии работали?

– Приходилось. Только было это в другие времена, как будто и не со мной.

– Тяжело вам сейчас, Дмитрий Сергеевич? – сочувственно произносит эта чуткая девушка. Именно этого мне так не достает. О, женское сердце не проведешь. В этом вопросе.

Она уже знает, что я к ней равнодушен. Только не знает, бедная, насколько ей со мной невыгодно общаться. А то бы давно бросила это непутевое занятие.

– Да ничего, терпимо, – бросаю небрежно. – В конце концов, знал, на что шел.

– А вы женаты? – вполголоса выдыхает девушка.

– Женат, Тонька!.. В том-то и дело, что вдрызг женат твой воздыхатель! – хрипит, поднимая голову, Фомич, озирая мутными глазами свои владения.

– Ну тебя, Фомич!.. – пытается встать легкотрудница. Но длинная цепкая рука начальника возвращает ее на прежнее место.

– Команды покидать рабочее место не было. Ты вот что... Сейчас опять кто-нибудь нагрянет, я это нутром чую. Так ты, Тончик, в случае чего помоги быстрее от досужего народа избавиться. Старость – она покой любит. Запиши, а то забуду.

И точно, дверь с грохотом открывается, и бочком, как цирковой медведь во время кувырка, вваливается начальник моего участка. Участковый. По правде сказать, с начальником мне повезло. В этом человеке всего много, хватило бы на двух нормальных людей. Без малого двухметрового роста. Плечи шириной – как я в длину (если меня положить). Шея – как у меня, скажем, грудь, а лицо... в общем, пропорциональное остальному. Короткая стрижка сделала бы его похожим на громилу, если бы не добрейшая улыбка, в которой



читается самоирония: простите, мол, меня, такого большого.

Но самое главное – это его умение держать удары судьбы, как-то: выговоры начальства, насмешки подчиненных, многодневную нервотрёпку, большой спиртовой литраж... Однажды прораб нашего участка Тихон, рассказал, как участковый взялся за порванный высоковольтный кабель под напряжением. Искры, вспышки, фейерверк! – а тот лишь побледнел – и хоть бы что... На ладони осталась пара легких подпалин, и все.

...Итак, входит мой начальник, и сразу становится тесно, и вовсе не потому что бытовка мала.

– Хватит, ребятки, третий день водку дуть и разговоры разговаривать. Отбираю у тебя бесплатные уши, Фомич. Завтра едем с Димой принимать новый объект.

– Василий Иванович, такое событие требуется обмыть, – обстоятельно поясняет тонкости протокола Фомич, солидно кивая головой.

– Это можно... – покорно соглашается начальник и бережно садится на стул. Когда он убеждается, что стул, хоть со скрипом, но держит его супертяжелый вес, оборачивается ко мне. – Чтоб не забыть, Сергеич, завтра утром сиди в диспетчерской и жди меня до упора. Будут на объект выгонять – сиди насмерть, говори всем, что я приказал. – Потом Фомичу: – Поехали, аксакал...

Когда встречаются начальник с куратором, все остальное становится как бы не в счет. Поэтому мне вскорости удастся

сбежать.

Дома, то есть в комнате общежития треста, переодевшись, сажусь на стул и погружаюсь в тяжкую думу. То, что со мною творится в последнее время, напоминает сползание в пропасть. А самое страшное, что я даже не пытаюсь остановиться. Вот и сегодня: выпил немало водки, наслушался и мысленно повторил за говорящими целый поток сквернословия, флиртовал с женщиной... Но какова! Красавица чистейших казачьих кровей! «А она такова, какова она есть, и больше никакова».

Ох, мне бы сейчас помолиться, да нету сил. Вправду говорят, если Господь хочет наказать грешника, то в первую очередь отнимает молитву. Вот он, мой молитвослов, лежит себе, пылится на тумбочке, как чужой. Сколько раз в последние дни заставлял себя открыть его. И даже руки свои грязные протягивал, но... Словно какая-то невидимая сила бьет по рукам, и они падают, как высохшая лоза. Некоторые молитвы удалось когда-то выучить, но как правило выполнять – память обнуляется. Да и откуда взяться молитве, если я каждый день приплетаюсь в свою каморку с половиной литра водки в желудке?

Тут ведь какой вывод интересный напрашивается? Отповедь клеветникам, обвиняющим русский народ в исторически узаконенном пьянстве. Спрашивается, как можно рус-

скому мужчине пьянствовать, когда ему каждый вечер стоять на молитве? А рядом перед иконами семья: жена, детишки, мамаша старенькая. И он, как отец семейства, по старшинству читает молитвы на сон грядущим. Да разве можно произносить священные слова молитвы заплетающимся языком? Срам это, в первую очередь перед Тем, Кто с иконы смотрит прямо в душеньку. Стыдно и перед домашними, особенно детьми: им рта не закроешь, они по своей простоте скажут пьяному папане все, что думают. Так что, господа русофобы, выдумать эдакую клевету способен лишь тот, кто сам никогда русским мужем не был, то есть не стоял перед Господом с семьей на молитве.

Поднимаю глаза к иконе Спаса Нерукотворного. Встречаюсь с пронзительным взором Господа и стыдливо опускаю глаза. «Господи, Иисусе Христе, Ты видишь, какой я плохой, не оставь меня, грешного!» Вот и вся моя молитва на сегодня. Да...

# Один день с Василием Ивановичем

Как приказано, сижу с восьми утра в диспетчерской и под щебетание Риты листаю деловой блокнот. Помимо расчетов кубометров бетона, тонн арматуры, потребности в механизмах и транспорте здесь встречаются лирические заметки вроде: «погода сегодня невыносимо солнечная для аврала», или: «указать Маргарите на несоответствие ее очарования служебному положению». Выписываю на листочек свою заявку, придвигаю поближе к Рите. Она кивает и, не глядя, сметает ладошкой документ в ящик стола. Интересно, читает она мои послания, или же все отправляет в мусор?

Рита уже обзвонила всех диспетчеров, отругала участковых и прорабов, пококетничала с каким-то доктором, выпила две чашки чая с конфетами. Теперь рассказывает, как Юра сдавал в техотдел материальный отчет. Круглое лицо ее напоминает чайное блюдце, в котором плавают хитрющие глазки, носик уточкой и улыбчивые губы. В данный момент ее почему-то смешат издевательства чересчур строгой Оли над задерганным участковым.

Слушаю, киваю, сочувствуя Юре, а сам гляжу в окно и жду появления начальника. Рита замечает мое беспокойство и переключается на Василия Ивановича, который опаздывает минут на сорок. Острый женский язычок проходится по объемной личности участкового самурайским мечом. Сей-

час звонко произносится фраза: «Этот алкаш выдул здесь у меня литр водки и, как ни в чем не бывало, потопал на оперативку, представляешь?»... Честно сказать, я не представляю, как это возможно... Ну, да ладно, пока все это эхом отдается в моих ушах и не желает проникать в сознание, во дворе появляется громоздкая фигура Риткиного подсудимого.

У Юркиной бытовки он останавливается. Смотрит на часы, потом на бытовку, снова на часы... Поднимает глаза к бдительному окну диспетчерской, узнает мою физиономию, напоминающую, должно быть, морду собаки, привязанной у входа в магазин, загадочно улыбается и решает внутренний спор в мою пользу: то бишь, направляется к нам.

Через минуту дверь открывается и появляется он.

– Ритуля! – грохочет он во всю глотку. – Почему здесь мои бездельники околачиваются? Почему не гонишь на объекты народного бесхозяйства план выполнять? Для чего я тебя тут посадил? А?..

– Ой, Вася, скажешь тоже, – Рита смешивается от неожиданного выпада, поправляя прическу.

Я с трудом подавляю желание встать и вытянуться в струнку. Огромная лапища бережно пожимает мою костлявую кисть. Начальник участка удовлетворенно отмечает наше ошеломление и грузно садится в кресло. Трагически сопит.

– Где моя машина? – вспоминает он, наконец.

– За бетоном отправила.

– А я просил? – гремит вскипевшее возмущение.

– Да вот подумала, что ты все равно опоздаешь после вчерашнего, – нагло улыбается Рита, – поэтому решила: пускай самосвал пользу принесет, чем стоять тут и раздражать Евгеньича. Он, кстати, уже интересовался, где наш передовик.

Начальник сопит, вздыхает, снова сопит, потом поворачивается ко мне и приказывает:

– Ее не слушай. Идем со мной. Прикинем план работы.

– Не ходи Сергеич, а то с утра пьяный будешь.

– Гнусная клевета, – отмахивается начальник и направляется к двери. – Выходи на улицу, жди машину, – ворчливо наставляет меня шеф. – Как появится, пусть ждет меня за забором. Я в бытовку: освежиться.

Начальник удаляется, я же выхожу на дорогу и высматриваю оранжевую кабину «Камаза». Спустя пару минут машина выруливает из-за угла и, не обращая внимания на мои команды, заезжает во двор конторы.

Забираюсь в кабину и краем глаза наблюдаю угрожающее сверкание позолоченной оправы из окна Евгеньича на втором этаже. Хлопаю дверью и спрашиваю, почему шофер не остановился. Тот читает газету и на мои слова никак не реагирует. К этому мне предстоит еще привыкнуть. Как учит Фомич, человек – материя тонкая. Перед тупой мордой самосвала, выкрашенной в ядовитый апельсиновый тон, появляется порозовевший Василий Иванович, жестом приказывает опустить стекло.

– Еще раз уедешь без моей команды – лицо набыю, – оба-

ательно улыбается он шоферу, добившись в ответ легкого покачивания краем газеты. Потом уже мягче обращается ко мне: – Посиди, Димитрий, минуточку, я сейчас.

Начальник задумчиво глядит на Риту, которая из-за окна отчаянно машет руками в сторону ворот, делает страшные глаза, трясет кулаками и крутит пальцем у виска. Он весело подмигивает мне, подходит к открытому окну диспетчерской и, сыто щурясь, произносит:

– Ритуля, когда я на днях вступлю в должность начальника конторы... Я тебя здесь, во дворе, всенародно высеку стропом типа «Паук». А сейчас дай мне конфетку и позвони Юрке. Обрадуй бедолагу, что мы скоро будем. Выполняй.

Пока участковый ловит конфету и резво прыгает на сидение рядом со мной, пока машина разворачивается – мы с Ритой, разинув рты, смотрим на Василия Ивановича и пытаемся осмыслить сказанное.

Итак, самосвал несется по улицам города с превышением скорости, игнорируя красный свет и свистки гаишников. Одно удовольствие ездить на такой машине. Здесь комфорт, как в такси, только сидишь намного выше, поэтому и обзор отличный. Очень приличная машина, если забыть о цене ее машино-смены. Впрочем, рядом с начальником передового участка думать о накладных расходах неуместно. Тем и замечателен Василий Иванович, что не смотря на убыток, план участок перевыполняет именно за счет талантливой работы с заказчиком. И, наверное, еще по причине всеобщей любви

к этому богатырю.

Попутно сворачиваем на бетонный завод, минуя длинную очередь тягачей. Благодаря симпатии работников полигона к «Васе», загружаемся теплыми бетонными блоками. Вообще-то, грузить железобетон в самосвал запрещено, да и ездить с ним по городу на виду гаишников также не рекомендуется, но мы ездим и ничего... Выезжаем из ворот с перегрузом, о чем говорят тяжелый ход, рокот двигателя и ворчание шофера. Приезжаем на строительство частных коттеджей, сваливаем блоки, Василий Иванович, не выходя из кабины, берет протянутые деньги из рук охранника в камуфляже и, махнув на прощание рукой, командует водителю ехать «к Юрке».

Я гляжу на часы, время упорно подходит к обеду, а мы еще и не приблизились к моему объекту. Юра, начальник второго участка, встречает нас у прорабской, где он разглядывал чертежи для разговора с субподрядчиком. Судя по всему, тот требует передачи ему стройчасти венткамеры под монтаж стальных коробов. По чертежам сплошь и рядом короба эти натыкаются на трассы водопровода или кабеля, пересекают несущую арматуру и вообще ведут себя неприлично. Все это требует согласований, что целиком лежит на плечах генподрядчиков. Работы невпроворот, но все-таки Юра, увидев нас, отрывается от дел и уделяет нам время.

Как водится, встреча высоких сторон происходит за столом с обязательной бутылкой водки. Пока Василий Ивано-



вич делится с коллегой планами конторского переворота, мне удастся кое-что выяснить. Во-первых, начальник второго участка Юра выпивает чисто символически. Во-вторых, бытовка содержится в чистоте, да и сам он выглядит аккуратно и даже при галстукe. В-третьих, чертежи развешаны именно так, чтобы с ними работать, а не глазеть впустую. А еще я несколько раз ловлю на себе его пронизательный взгляд, приглашающий к сближению.

После застольных дебатов мы обходим аккуратную стройплощадку с трезвыми и рабочими, знающими свое дело. Василий Иванович, видимо, любит Юру и уважает его порядочность, но всю дорогу посмеивается, называя то «брюзгой», то «интеллигентом». На прощанье я получаю от Юры приглашение звонить и заходить при случае и без случая. Василий Иванович ревниво сопит. Да я еще подливаю масла в огонь, нахваливая Юру. Знать бы, что зреет в голове моего шефа, сомкнул бы уста свои.

А вот и мой объект: за гнилым забором в оплившей яме зияют криво разбросанные фундаментные блоки. У въезда стоят две облупившиеся бытовки. У меня резко портится настроение. Также портится погода: солнце скрывается за серые тучи, поднимается ветер. Нам навстречу выбегает чумазый мужик в дырявой телогрейке.

– Знакомься, Димитрий, этот чудик – твоя правая рука и бригадир Петька, – сквозь недовольное сопение произносит шеф.

Мы с Петром пожимаем руки и обмениваемся испытующими взглядами. Разумеется, вслед за ритуалом знакомства следует приказ начальника встретить гостей «как положено». Бригадир подзывает худющего малорослого рабочего Костю и сует ему измятые денежные знаки. Тот, радостный, убегает.

Чтобы чем-то заняться до застолья, совершаем обзорную экскурсию по объекту. Все здесь в упадке и разрухе. Насколько я понимаю, нам с Петром предстоит завершить монтаж фундаментных блоков, начатый давным-давно и не совсем удачно. А для начала придется готовить площадку под гусеничный кран.

Иду по колено в грязи, огибаю торчащую арматуру, обхожу свалки мусора, отовсюду слышу бранную речь, надо мной – серое тягостное небо, порывами задувает пронизывающий ветер. Но сквозь всю эту неурядицу поддерживает меня – видение из мира неведомого...

...Село на берегу раздольной Волги. В тихой воде отражаются белая свеча церкви, крепкие избы с веселыми наличниками. Поля здесь покрыты сочной зеленью. Цветы там и тут полыхают яркими огоньками. Садовые ветви отяжелели от налитых соком плодов. Под каждым деревом, кустиком да лопушком лес таит багряно-золотые ягодные и грибные дары свои, благоухающие то хвойной смолой, то лиственной прелостью, то парными манящими соками плодоношения. Вольно

пасутся здесь гладкие резвые лошадки. Стада коров бредут по изумрудным сытным пастбищам на водопой к тихому затону, где загорелые мальчишки с облупленными носами и яркими конопушками на круглых физиономиях удят рыбу, внимательно глядя на ровное зеркало воды с торчащими из нее поплавками. Иногда они отрываются от безмятежной воды и поднимают глаза к бездонному небу, в котором зависли пышные перья облаков, носятся стрижи и застыл в сторожевом парении коршун...

В моей новой бытовке имеется стол с телефоном. Участковый звонит заказчику и предлагает разделить трапезу. Гонец и заказчик входят в прорабскую одновременно. Я знакомлюсь с Александром Никитовичем, который обещает помощь в пределах полномочий заместителя директора завода.

Выясняется, что завод не слишком – то богатый, но все-таки на что-то способен, раз имеет собственное жилищное строительство. Заказчик обещает закрепить за мной «Камаз» с шофером Васей и вообще помогать техникой, рабочей силой и снабжением. Василий Иванович кивает головой и напоследок заявляет, что если помощь заказчика будет вялой, он сразу вспомнит, что объект внеплановый и людей снимет. Заказчик уныло глотает угрозу, за что ему подливают успокоительного. Потом втроем изучаем чертежи, потом снова посылается гонец. Обсуждаем вопросы с бригадиром.

Потом идем к заказчику домой. Живет он в бараке, что

рядом с объектом. Там снова садимся за стол, уничтожая запасы домашних котлет и помидоров. Так бы мы, наверное, и гуляли до глубокой ночи, если б не появилась на кухне плечистая женщина с круглым бесстрастным лицом.

Саша, покачиваясь, встает и представляет супругу Надежду, которую вывез с берегов могучего Енисея. Супруга заказчика ведет себя нетипично: она молча ставит перед нашими бурыми официальными лицами по тарелке густых щей, которые мы хлебаем с неожиданным аппетитом. После выходим подышать на улицу.

Здесь с неподдельным интересом наблюдаем аварию: наш панелевоз не вписался в поворот и задним колесом въехал в сточную канаву. С завода Петро пригнал автокран. Но поднять задний мост панелевоза мешают провода. Василий Иванович с Сашей отстраненно наблюдают крушение и обсуждают важный вопрос: сколько участковый способен выпить.

Водитель панелевоза кричит на Петра. Громко и нецензурно. Тот пальцем показывает то на Василия Ивановича, то на меня. Водитель вприпрыжку подбегает к нам и орет, что у него график, что у нас пути подъездные неправильные, что у него катастрофа, а мы не чешемся.

– Никитич, ему лицо набить или стакан налить? Как ты думаешь? – задает вопрос участковый.

– Гуманней, конечно, налить... Впрочем, если он также нахально будет мешать нашей культурной беседе... То я за тебя, Вась, не ручаюсь!

Крановщик, рыча, совершает еще одну отчаянную попытку поднять задний мост. При этом стрела крана касается проводов. Вспыхивают и летят в разные стороны обильные искры. Собравшиеся мальчишки приходят в восторг. Нижний провод рвется и двумя обрывками уныло «клюет» в канаву. Но задний мост все же поднят. Водитель прыгает на сидение и рывком бросает машину вперед. Тросик, держащий панель, лопается, и панель падает в канаву. Это повергает публику в еще больший восторг. Зато панелевоз свободен и уезжает на разгрузку. У меня перед глазами все плывет, как в тумане. Кажется, толкни меня — и я следом за панелью улечу в канаву. Василий Иванович подзывает Петра и грозно командует:

— Оградить, вызвать аварийку, панель складировать в про-  
ектном месте. Затем с размахом обмыть, но в вырезатель  
не попадать. Деньги на всю эту операцию получить у заказ-  
чика. Исполняй.

Александр Никитович со вздохом достает деньги и протя-  
гивает Петру, который не веря своему счастью, прижимает  
их к сердцу и стремительно исчезает.

Затем, как сквозь вату, прослушиваю заверения в уваже-  
нии и взаимопомощи. Это в свою очередь требует закрепле-  
ния новым «впрыскиванием». Александр Никитович тащит  
нас в свою черную «Волгу», в бардачке которой «случайно  
завалялась» бутылка. Я пытаюсь отказаться, но мой началь-  
ник вливает в меня содержимое стакана насильно. Жидкий

яд сообщает мне всплеск активности. Я ору во всю глотку: «Юра! Где ты? Хочу к тебе!» Мои мучители рассуждают, что бы это значило, затем тащат меня под руки в рыжий самосвал, подсаживают на сидение и приказывают водителю отвезти меня домой. На прощанье слышу, что молодежь пошла не та. Не то, что старая гвардия!..

Всю дорогу канючу, что домой мне не надо, а надо увидеть участкового Юру. Это водителю быстро надоедает, и он привозит меня на чистенький объект. Юра, ничуть не удивляясь, подхватывает меня и помогает дойти до бытовки. Там он тащит меня к умывальнику, умело опорожняет желудок, помогает раздеться и заталкивает в душевую под струю холодной воды. После этих манипуляций ко мне возвращается способность мыслить и прямо сидеть. Только усталость и тяжесть в голове напоминают о прежнем состоянии.

И вот я пью крепкий чай с белым хлебом, намазанным толстым слоем сливочного масла, и благодарно смотрю на улыбающееся Юрино лицо. Он говорит, что пить с Васей наравне – опасно для жизни, потому как тот выпить может раз в пять больше смертельной дозы, которая для среднего европейца, как известно, составляет четыреста граммов чистого спирта или литр водки. А у «Васи» завтрак, обед и ужин – все в один стакан». Сам Юра принципиально выпивает в день не больше трех рюмок водки, тщательно закусывая. И все уже знают, что требовать от него выпить больше – бесполезно.

Затем он отвозит меня домой и укладывает спать. Рядом

со мной на тумбочку ставит открытую бутылку минералки, желает спокойной ночи и, погасив свет, уходит. Под грохот сердца и шипение минералки лежу в полном изнеможении, с трудом свинцовой рукой крещусь, хриплю «Господи, помилуй» и проваливаюсь в темный омут сна.

После карусельного вращения в мутных водах меня выносит на громадное поле. Я лежу среди множества раненых и убитых. В сером небе кружат и кричат черные птицы, похожие на ворон, только больше. Пытаюсь подняться, но мое тело пронзает острая боль. Сумел только увидеть, что на мне нет живого места. Рядом вижу такого же израненного Юру, который говорит: «Помни, стрелять в себя можно только тремя пулями в день. И ни одной больше!» На нас планирует стая черных птиц и приступает к трапезе, вырывая клювами куски наших тел. Я кричу: «Господи, помилуй!» – и птицы в разлетаются. Юра говорит: «Чего шумишь, глупый, им ведь тоже покушать хочется, – и ласково обращается к птицам: – Приятного аппетита, голуби мои». Я кричу: «Юра, они же тебя почти всего съели, гони их!» А он только улыбается: «Ничего, вон еще сколько осталось, пусть кушают». Вижу, что он не в себе, и кричу во весь голос: «Господи, спаси Юрия! Не ведает, что творит!»

Просыпаюсь от собственного сдавленного мычания. Сильно хочется пить. Нашупываю в темноте бутылку минералки и жадно пью. В голове звучат слова: «Здесь жажду уто-

лить можно, а там уже не удастся». Трижды шепчу «Отче наш» и снова засыпаю.



# Работа с заказчиком

Утром принимаю холодный душ, пью крепкий чай и, как тяжелораненый, на ватных ногах плетусь в контору. Рита глядит на меня и сочувственно кивает головой:

– Предупреждала же я тебя, Сергеич, не водись с большими нехорошими дядьками! Звонил твой заказчик и спрашивал адрес, куда машину подать. Так вон твое такси. Видишь красную кабину? Садись и дуй на объект, а то сейчас главный проверяльщик зайдет.

– Понял. Благодарю, – едва ворочаю шершавым языком, киваю тяжелой головой и удаляюсь.

«Камаз» с красной кабиной стоит в самом закутке двора. Машу водителю рукой, и он подгоняет машину ко мне. Рита выглядывает в открытое окно и хвалит меня за успехи в дрессировке. Пока я пытаюсь из каких-то лохмотьев, вихрем носящихся в голове, соорудить ответную фразу, в мой лоб ударяется мятная конфета, а створка окна захлопывается. Смотрю на конфету, лежащую у моих ног, и думаю, поднять или ну ее. Поднимаю, изо всех сил удерживая качающуюся землю. С трудом забираюсь в кабину. Только сел – в меня снова что-то летит. Оказывается, ладонь шофера.

– Вася, – говорит.

– Дима, – отвечаю. Потом добавляю: – Сергеевич. Слушай, Василий, давай сегодня говорить не будем – сложно мне

это.

Из недавнего прошлого. Зал коллегии главка. Сажу справа от начальника управления снабжения. На моих коленях лежат карты комплектации вводных объектов – любимое детище моего отдела.

Целый год мы вводили карты, ломая сопротивление трестов. Настойчиво объясняли им, что комплектация объектов по графикам АСУС – Автоматизированной Системы Управления – даст четкий учет ресурсов, концентрацию их на важнейших объектах. Завоз материалов будет производиться строго по графику централизованным транспортом. Высвобожденные ресурсы мы направим на капитальный ремонт. По главку, материальный эффект от внедрения этой системы сулил миллионы рублей. Наконец, приказом начальника главка эту систему ввели. Обкатали ее на трех лучших трестах, и вот теперь пришло время работать по графикам АСУС всему главку.

– Да нам эти... снабженцы ваши... дом не комплектуют, гады... – запинаясь от возмущения, потрясает кулаком в нашу сторону управляющий трестом Жирин.

– Что у нас с материалами по дому три ЭМЗ? – спрашивает начальник главка.

Вот он – миг нашего триумфа. Я встаю и зачитываю данные по комплектации этого дома:

– Комплектуемая площадь 3600, укомплектовано в про-

шлом квартале 3400, сверх нормы получено по письмам материалов на 1160 метров квадратных. Материалы переброшены со снятого с ввода объекта треста.

– Слышишь, Жирин? Здесь вам не у Пронькиных. Комплектуем вас теперь по науке, как партия указывает. У нас тут перестройка, между прочим! А если кто не хочет перестраиваться... Вон какая смена выросла, – тычет он пальцем в мою сторону. – Есть кому ретроградов заменить. Итак, куда государственные ресурсы дел?

– Не знаю... может, снабженцы их на капремонт растащили? Сами знаете, мы уже лет десять на ремонт жилья метра линоля не получали... – нагло врет Жирин.

– Дом три комплектовался централизованно с доставкой на приобъектный склад, – бодро докладываю я. – А на капремонт трест получил материалы согласно плану, заявке и расчету в полном объеме. И переходящих материальных ресурсов у треста на 12 780 квадратных метров, что полностью закрывает все вводные объекты следующего квартала.

– Где ресурсы?! – орет, вставая, начальник главка. Затем оборачивается к секретарю: – Назначить комиссию главка и проверить трест. На время работы комиссии Жирина отстранить от работы. А то он у нас, как непотопляемый авианосец, четырех генсеков пережил. – Садится, оборачивается к начальнику территориального управления и спрашивает: – Так что там у нас с третьим домом?

– Сергей Трофимыч, объект живой – его добивать надо! –

сладкоголосого рапортует тот.

— Вот и протопай этот вопрос ножками, — удовлетворенно закрывает тему начальник главка своим специфическим говором, в котором, как в дырявой фисгармонии, можно различить и астматический свист и громохание басов, и обязательное украинское «хэ» вместо «гэ», и люмпенское сквернословие — это, чтобы никто не обвинил в интеллигентности. И закуривает ленинградский «Беломор», модный в те времена среди высокого начальства. Курить на коллегии никому не дозволено, поэтому все курильщики, глотают слюнки. Но и это не все, что позволено начальнику главка. Рядом с татуированной кистью руки, обрамленной белоснежной манжетой с золотой запонкой, на зеленом сукне стоит стакан в серебряном подстаканнике, из которого хозяин, помешав ложечкой, смачно отхлебывает. Так вот все знают, что там не чай, а коньяк «Двин», столь уважаемый высоким начальством...

По окончании заседания коллегии, начальник снабжения Иван Семенович ведет меня под локоть в свой кабинет. В приемной собралось человек сорок столоначальников, замуправляющих трестами — все с цветами и коробками. Сегодня Ивану Семеновичу исполнилось шестьдесят лет. Он сухо принимает подарки у опоздавших — все путевые отдарились еще с утра. Секретарша всю предыдущую неделю обзванивала тресты, чтобы не забыли поздравить и подарки — в натуральном и конвертированном виде — подвезли, как положено.

Цепляет начальник за рукав своего зама Фидера и нас двоих вталкивает в свой кабинет. Мы проходим мимо стола заседаний, заваленного подарками, и ныряем в потайную дверь, скрытую в одной из стеновых панелей. Здесь – комната отдыха, в отличие от аскетичного кабинета, отделанная в стиле Людовика Четырнадцатого. Стол сервирован в том же стиле. Иван Семенович садится в резное кресло, выпивает, закусывает и вещает:

– Не обо мне сейчас речь, ребята. Я обеспечил себя, и всю родню на три поколения вперед. Да вы не жмитесь, закусывайте – уплачено! Так вот, молодежь, вы мне как сыновья, поэтому я перед уходом на пенсион должен вас запустить в номенклатуру. Да вы хоть знаете, что такое номенклатура? Туда трудно пролезть, но уж если попал – все, ты в дамках на всю оставшуюся жизнь. Это – квартира в лучшем районе, паек, которым можно накормить целый полк, это – закрытые санатории, больницы, поликлиники, это – персональная машина, дача...

Я слушаю своего начальника, испытывая головокружение от успехов и перспектив. В моем воображении сверкают лимузины, бриллианты, неоновые огни Парижа, Лондона, Нью-Йорка и богемных пригородов Моршанска...

– ...А самое главное – уверенность в завтрашнем дне! Вы думаете, номенклатура боится перестроек? Как бы не так! Мы всегда были и будем при любой власти, потому что всем правителям нужны хозяйственники, нужны свои, проверен-

ные в любых аферах люди. Мы – скелет нации, мы – соль земли! И вот я... слышите? Сделаю вас... этой солью.

Вася привозит меня на объект и тормозит как раз напротив входа в прорабскую. Я вхожу внутрь и вижу диво: всюду чистота, порядок и никаких следов вчерашнего погрома. И даже чайник при касании обнаруживает температуру, близкую к кипятку. Входит бригадир Петро и улыбается:

– Это наша Валентина постаралась. Говорит, что начальник у нас теперь из благородных, поэтому надо убирать справно.

– Благодарю. А теперь расскажи, как у нас идет подготовка к приемке крана.

– Да никак. Мы тут фундаменты пока чистим.

Дальше произвожу допрос о выданном бригаде задании. Оказывается, наряды не выписаны, все на усмотрении бригадира. Затем обходим объект, и я даю указания бригадире, где и сколько людей поставить. Не хватает еще четверых. Нужен бульдозер. Вот и задачка для заказчика.

Иду к нему и разыскиваю в кабинете. После дежурного обмена жалобами на состояние здоровья «после вчерашнего», прошу его помочь людьми и техникой. Сразу, чтобы не расслаблялся, ставлю задачу на завтра: завезти щиты забора и полностью заменить старые, пришедшие в негодность. Обить их проволокой в три ряда. Александр все исправно записывает в блокнот. А по его дряблой щеке с нездоровым

румянцем с широкого морщинистого лба течет струйка пота. Поднимает он на меня усталые глаза и спрашивает:

– Теперь все?

– На сегодня, да.

– Ну, ты и волчара!..

– ...Я тоже тебя уважаю.

Возвращаюсь на объект, вижу – люди работают. Выходит, больше мне здесь делать нечего. Спрашиваю Петра, что нужно привезти с центрального склада. Он долго и нагло перечисляет. Дальше прошу ключ от приобъектного склада, открываю и заглядываю внутрь. Почти все, что он заказал, в наличии. Спрашиваю, зачем врал. Он, не смущаясь, признается, что часть для дома, а остальное на продажу, чтобы деньги были. Спрашиваю – для чего деньги? Он отвечает, когда приедет инспектор, то обязательно узнаю. Когда узнаю, говорю, тогда и получишь, а пока подождем. Он пожимает плечами, усмехается и спускается в котлован.

Иду к машине, шлепая по щиколотку в грязи. Сапоги я не надел: у Фомича обходился, надевая их только в крайнем случае, поэтому привычки такой пока не заимел. Надо срочно разобраться с планировкой и песочка подсыпать... В груди повисает тяжелая и липкая жалость к себе, любимому.

...Оживленная площадь в южном городе. По круговой дороге едут машины. На перекрестках важные регулировщики в белых форменных рубашках со свистками и полосатыми

жезлами направляют движение машин. На самой площади в тени развесистых деревьев и на солнечных островках идет размеренная, веками сложившаяся жизнь. Даже магазины и лавки здесь такого вида, будто построены сотни лет назад из серовато-розового туфа в обязательном окружении красных цветов и кустарника с глянцевыми листьями. Площадь эта имеет центральное значение не только потому, что здесь расположены власть держащие – сюда прибывают автобусы и машины, местный народ разбирает пассажиров, сошедших с дальних поездов, запыленных тысячами километров звонких стальных дорог. Недалеко отсюда и порт, из которого тоже именно сюда стекаются люди. За поворотом направо – городской рынок, прилавки которого завалены всякой всячиной. В тени деревьев жарят шашлыки, варят кофе – и ароматы разливаются по всей площади, призывая отведать, подкрепиться, отдохнуть, на время забыв о дальнейших планах этого дня...

– Куда теперь? – слышу, как из другой жизни, голос Василия.

– Сейчас в контору... А, вообще-то, вопрос интересный.



# Пират

Неделю мы с бригадой готовим объект к установке монтажного крана. Полностью заменяем забор новыми щитами, обиваем его проволокой. Бульдозер заказчика, выгребает из котлована грунт и складировает в отвал за территорией площадки. Ровняет также площадку до состояния столешницы конторского стола. В это время мы с Васей на самосвале завозим песок с набережной, где по заверению Василия Ивановича у нашей конторы имеется наряд на тысячу кубов песка. Каждый раз, когда я приезжаю на набережную, у нас с кладовщиком, по прозвищу Пират, происходит примерно один и тот же разговор:

– Ты из СМУ-14?

– Да. У нас должен быть наряд на тысячу кубов.

– Какой наряд? Кто его видел?

– А как бы мне песочка?

– Это можно.

– Сколько?

– Строго по таксе: стакан за «Камаз».

– А натурой можно?

– Лучше эквивалентом, а то разную тут натуру таскают...

От иной так скрутит! Не разогнешься. Нет, лучше, браток, эквивалентом, а уж я сам... натурализую.

Достаю из бумажника деньги и вручаю Пирату. Собствен-

ные деньги. Из персональной зарплаты. А что поделаешь? Строить надо... Он выглядывает из бытовки и машет моему Васе рукой. Тот едет на погрузку, а я, как заложник, остаюсь при Пирате.

Характер этот пожилой мужчина имеет странный и неопределенный. Уж не знаю кому как, но мне в плену предлагается рюмка водки и увесистый кусок холодца с хреном под толстенную краюху бородинского хлеба. Отказываться в таких ситуациях неуместно, поэтому, мысленно читая молитву и крестя подношение, беру из комплекта только холодец и съедаю. Приметив мой аппетит, Пират добавляет еще. Повторяю процедуру.

Из недавнего прошлого. Время обеденное провожу в ресторане «Центральный» за нашим столиком. Стол этот у окна и еще кабинет зарезервированы для нашего управления главка. Чтобы сюда попасть, достаточно позвонить заму по общим вопросам, поставить его в известность – и иди себе, пьянствуй официально.

В настоящее время напротив меня сидит красный, как рак, мужчина с бегающими глазками. Зовут его Валерий Степанович. Он занимает должность зама управляющего трестом по снабжению. Одного из шестидесяти трестов нашего главка. Он выпил достаточно для того, чтобы его откровение достигло предельного уровня. Сейчас он вербует меня во внештатные сотрудники КГБ. Это уже третья попытка с

его стороны, первые две не удались.

– Ты пойми, Димочка, твоя зарплата удвоится. Квартирный вопрос решится без очереди. У тебя будет даже явочная квартирка. Хочешь, девок туда води, а чё! Все мы люди... Далее. У тебя появляются связи такие, что... о-го-го! Генералы, зам-министры... И всего-то делов – информировать органы о проникновении в наши ряды буржуазной заразы. Ну, что от этих диссидентов России ждать, кроме вони и предательства? Согласен?

– Я, разумеется, как всякий порядочный человек, против неприличных запахов и предательства, – соглашаюсь я, старательно изображая пьяного недоумка.

– Ну вот! Вот ты и молодец, – разливает он по лицу радостную улыбку, а по рюмкам – коньяк. – Я тебя на той неделе с одним генералом познакомлю. Сам понимаешь, из каких структур... Так ты сам увидишь, что это за человек!

На его левый глаз наворачивается густая слеза и катится по бордовой щеке. Он размазывает ее кулаком и, всхлипывая, продолжает:

– Это не человек, Дима! Это одно сплошное золото. Ты увидишь его и заплачешь. От радости. И ты скажешь мне: Степаныч, какой человек! Какой человек!..

– Степаныч, а сколько этот человек народу в тюрьмах сгноил? – спрашиваю заплетающимся языком.

– А сколько надо! – чеканит внештатный чекист.

– А сколько? – шепчу я страшным шепотом. – Ну, сколько

надо душ загубить, чтобы генералом... золотым сделаться?

Степаныч собирает глаза в одну точку и по синусоиде направляет этот красный луч лазерного прицела в мой правый глаз.

– А сам-то ты... не враг случайно? – с громадным усилием удерживая прицел своего бдительного взора на размытом пятне моего лица, вопрошает он.

– Валерий Степаныч, я думаю вам из моих анкетных данных известно, что если бы на мне было хоть пятнышко, – произношу я, поднимая палец к лепному потолку, – то мы сейчас не сидели бы здесь и не говорили... о любви к Отчизне.

– Это точно, – опускает он взор в тарелку с остывшим табачным цыпленком. – Нам всё известно! Всё про всех. Так что готовься встретиться с генералом. Зо-ло-тоооой... да.

Когда в конце недели Валерий Степаныч звонит насчет встречи, я говорю, что готовлю справку к заседанию коллегии главка. В следующий раз я делаю срочный доклад заму начальника главка. Потом начальнику... А потом – аж в ЦэКа КаПэ..., сами понимаете, где-то по большому счету, ...эСэС. Эти слова на внештатника действуют парализующе, и он, проникаясь важностью момента, с трепетом отступает. А потом его увольняют за развал работы и раздачу квартир вне очереди...

...Печка в бытовке Пирата горит почти постоянно, пото-

му как холодец варится долго, а поедается гостями помногу. Нигде такой печки видеть не приходилось. Соорудил ее умелец из бочки, бронзовой трубочки и старой сковородки. Заправляется печка соляром, который как в реанимации, каплями поступает в остывающее тело, где сгорает, рождая тепло. Пират круглый год одет одинаково – и в бытовке и снаружи – в старенькую телогрейку на грубый вязаный свитер. При его седой бороде и коренастой жилистой фигуре выглядит он импозантно. Взгляд у него понизывающий и грустный. Пока я тщательно жую, он неторопливо рассказывает:

– Помереть я по всему должен был еще до войны. На первой посадке у меня обнаружился «тубик» – туберкулез, значит. Там на лесоповале нас ведь никто не щадил. Так вот был у нас один вольный поселенец – старый, как баобаб замшелый. По нации был он кореец. Так он меня и вылечил, сердешный. До сих пор ему благодарен, что аж до перестройки дожил. Была у него самая дальняя делянка. До нее от лагеря – часов пять по тайге. Потом нас там на всю неделю оставляли при одном едином вертухае. Да и тот за нами не смотрел. Куда уж там бежать? Кругом – волки, да чащоба на тыщи верст. Корейцу тому собак со всей округи таскали в обмен на белок и прочую пушнину. Приблудных шавок или старых сторожевых – ему было без разницы. Так он их без отходов употреблял в дело-то. А самое ценное для него были сало и мясо. Салом-то нутряным собачьим он меня и лечил. С тех пор я и жив благодаря собачьему салу. Ну, и мяско собачье

тоже в дело идет, и шкурка на одежду расходуется. Да собачье мясо разве можно сравнить со свиной или курицей? Эти разную гадость жрут: и отходы свои, и падаль, и гнилье. Собачка – та из хозяйских рук все самое лучшее кушает. Вот и мясо у нее не в пример другому – лечебное. Да ты ешь, я еще добавки положу.

– Так этот студень – он из ...собаки?! – спрашиваю, чувствуя спазмы желудка.

– А что, невкусно? – по-детски удивляется Пират.

– В том-то и дело, что вкусно. Но ведь – из псины!..

– Ну, а если вкусно – то кушай и нахваливай. И здоров будешь, как я. Мне ведь уже, браток, восьмой десяток. А говорили меня вертухай к смертыньке больше полвека назад. Вот тебе и псина...

В это самое время входит веселый Вася. Пират ставит перед ним холодец и тот смачно его поедает.

– Вась, а ты знаешь, из какого мяса это блюдо? – спрашиваю.

– А как же! Что я здесь первый раз? Да я этого урку еще мальчишкой знал. Он меня своим холодцом в детстве кормил. Все нормально! Зато в нашем районе ни одного собачьего укуса не было. А шубу моей жены не видел? Это ж горностай форменный!

– Вот что, мужики, – говорю я проникновенно, – кушайте сами хоть кого, но мне псины больше не предлагайте. Это окончательно и обсуждению не подлежит. Я очень тщатель-

но вас прошу, слышите?

– Да, ладно, как хочешь, – примирительно говорит Пират. – Но ежели одумаешься и поумнеешь, то скажи. Люблю, знаешь, когда люди сытые. И здоровые.

# Школа жизни

Заглядывает ко мне в гости Василий Иванович. Обходит площадку, поощрительно сопит, здоровается со всеми за руку, про жизнь спрашивает. Потом после обхода вместо приглашения к традиционному застолью ворчливо командует:

– Бери троих монтажников, я вас на школу отвезу на недельку. Зашивается там наш Тихон. А сдача на носу. Собирайтесь, короче.

Приезжаем на школу и, не успев как следует разместиться и опомниться, попадаем в круговорот событий. Тихон, от которого водкой разит за версту, ставит мое звено на монтаж теплотрассы, меня – на планировку территории. Он не говорит, а надсадно орет, а сама стройка напоминает поле боя. Пока он хрипло поясняет мне, что планировку производят вон те ... нехорошие четыре бульдозера и вот эти ... плохие два кубовых экскаватора, что высотные ... ужасные колышки уже давно ... вероломно сбиты .... подлыми врагами, а четвертый ... новенький нивелир то ли украли ... неожиданно, то ли закатали в ... сырую землю. При этом он отхлебывает из бутылки левой рукой, правой энергично жестикулирует. А планировку нужно сдать ... строгой комиссии уже завтра утром, так что ... дерзай, мол.



# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.